

ДАНИИЛ КАЛИНИН

Эмигрант. Испанская война

Даниил Калинин

Эмигрант. Испанская война

«Издательские решения»

Калинин Д.

Эмигрант. Испанская война / Д. Калинин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936288-9

Первый роман о Никите Мещерякове, приквел «Выбора чести» и «Лесных призраков», признанный лучшим в трилогии... Возможно, вы знаете о его судьбе — схватки с немцами во Франции 40-го, подготовка в «Бранденбург 800»; знаете, какой Мещеряков сделал выбор между местью и честью. Возможно, вы знаете о боях в Белоруссии — но вам ещё многое неизвестно... О схватках на тотализаторе и конфликте с мафией, о встрече с дроздовцами и боевом крещении в Испании... Вам понравилось продолжение? Этот роман для вас!

ISBN 978-5-44-936288-9

© Калинин Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая. История семьи	8
Глава вторая. Реалия Марсея	13
Глава третья. Соотечественники	24
Глава четвёртая. Экс	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эмигрант. Испанская война

Даниил Калинин

© Даниил Калинин, 2018

ISBN 978-5-4493-6288-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

...Звучит гонг. Мы начинаем сближаться скользящими шагами. Два левых прямых – ныряю под второй со встречным джебом в туловище. Акцентированный кросс и короткий хук приходятся в защиту; завершающий серию круговой удар ноги встречает локоть. Мгновенная контратака таким же круговым в голову – едва-едва успеваю закрыться предплечьем. Ничего не скажешь, соперник опытный.

Разрываю дистанцию прыжком. Несколько секунд выжидаем, присматриваемся друг к другу. Первым начинает действовать мой оппонент, рывком сократив разделявшие нас два метра, и обрушив серию мощных ударов рук в корпус и голову. Все они приходятся на защиту, но даже сквозь поставленные блоки я в полной мере ощущаю тяжесть ударов.

Однако эта атака имела лишь одну цель – ошеломить: резво отпрыгнув назад, противник наносит мощнейший круговой удар ногой по бедру. Чудом успев подставить колено под голень, я контратакую левым свингом в челюсть. Но на мгновение опущенная рука француза вновь находит своё место в защите. Мой кулак утыкается в предплечье.

Ничуть не обескураженный, выстреливаю сильнейшим кроссом по корпусу, третий удар серии – левый боковой в подбородок. Кросс достигает цели, сбив дыхание, но под повторный свинг соперник уходит нырком. Понимая, чем это кончится, лихорадочно закрываю челюсть. Но француз сумел меня удивить: вместо бокового рукой я получаю высекающий удар ногой под колени. Падение на настил выбивает дух; рефери начинает считать секунды. Конечно, симпатии судей на стороне земляка. Ну, ничего. На пару секунд задерживаюсь на коленях. Встаю.

Француз машет рукой зрителям. Его атлетическое сложение и ослепительная улыбка вызывают восторженные возгласы девушек, находящихся в зале. Он уже видит себя победителем в этом бою, а его подсознание уже рисует соблазнительные сцены близкого общения с какой-нибудь глупенькой, но симпатичной болельщицей... Не говори «гоп», парень.

О моём приближении его предупреждает окрик рефери и встревоженное гудение в зале. Связку прямых ударов в голову он снова принимает на руки, но прямой удар стопой в живот отбрасывает его к канатам. Резкая подсечка слева – и теперь уже фаворит поединка обрушился на настил. Звучит гонг.

Я его разозлил. Со своего места вижу, как бешено он смотрит на меня, как в гневе кривится его лицо. Однако тренер говорит что-то резкое, и на француза будто надевают маску ледяного спокойствия. Плохо. Очень плохо, когда противник умеет так быстро взять эмоции под контроль.

– У тебя хорошо проходят связки ударов в голову и прямых в корпус. Сможешь акцентировано пробить печень или солнечное сплетение – считай победа твоя. Но старайся не связаться с ним в клинче, парень резвый.

Благодарю тренера кивком головы за советы. Звучит гонг.

Не связаться в клинче? Ну да, ну да... Мощный удар ноги с разворота, направленный в челюсть, заставил меня попятиться. Пользуясь секундным замешательством, оппонент бросается в атаку. Двочка прямых, левый боковой приходятся в подставленные руки, но от контратакующего джеба француз уходит уклоном. И в ту же секунду мою голову сотрясает правый прямой.

Меня швыряет к канатам. Этот удар мог и закончить схватку, но не так-то много бойцов с нокаутирующим прямым. Тем более, удар пришёлся не точно в ямочку на подбородке, а в челюсть сбоку. Но это нокдаун, который я пытаюсь выстоять, прижавшись к канатам. Перед глазами всё плывёт, будто я долго кружился.

– Соberись!

Разве окрик тренера может мне помочь? Я и так пытаюсь собраться. Даже поднимаю руки к голове и сгибаю спину. Так длины предплечий хватит закрыть и подбородок, и корпус.

Но его удары принимать в блок просто невозможно. Бьёт сразу по нескольким уровням: если первую связку в голову я ещё как-то терплю, то переход на корпус заканчивается пропущенными апперкотами. И тут же невероятно сильный правый хук бросает меня в угол. Я, правда, успел подставить предплечье – и только потому ещё стою на ногах. На защиту обрушивается очередная серия ударов...

– Жак! Жак! Жак!!!

Зал скандирует имя любимца, имя очевидного победителя. Действительно, я держусь последние секунды. Сейчас он меня уложит на канвас, и я уйду отсюда без франка в кармане. Вместо денег, которые могли бы вытащить семью из долговой ямы, я приду домой пустой и избитый... Там меня ждёт мама. И в её глазах я не увижу ни злости, ни раздражения – одну только бесконечную любовь и заботу... И жалость ко мне, избитому, ни на что не годному... Но материнское сердце не предаст своего ребёнка. Некогда красавица, быстро состарившаяся от бесконечного потока несчастий и тяжёлой работы, графиня Калязина вновь пойдёт мести улицы Марселя только для того, чтобы выходить побитого сына...

...Крики толпы, восхваляющей своего бойца, возвращают меня в детство, когда местная шпана тузила меня на глазах у всей школы. Маленькие французики с удовольствием наблюдали, как русского мальчишку втаптывают в грязь. Всем им ненавистны русские, которые спасли Францию от разгрома в 1914. Они не хотят вспоминать этих дней, они хотят видеть победителями только себя. И наблюдать, как русского избивают в драке или поединке – для француза это сплошное удовольствие.

Эти мысли, эти образы пронесли перед глазами за считанные мгновения. И бешеная волна гнева, пробуждённая отчаянием, жалостью к матери и к себе, несправедливостью мира и неблагодарностью французов, даёт мне силы. Злой азарт заглушает растерянность и боль.

Удар в мою голову, ещё один, ещё... Я терплю.

«Ты же сейчас будешь бить по печени, чтобы я поднял руки, и ты смог меня добить. Ну же, давай!». Невольно сжимаюсь в единый комок.

На секунду мой противник опускает руку, чтобы пробить корпусной апперкот. На долю секунды. Если я уберу руку от корпуса, этот удар может меня убить.

Но не сегодня. Диагональные хуки – самые мощные в моём арсенале. Причём левый абсолютно не уступает правому.

Его кулак режет воздух у меня под боком: вкладываясь в удар, доворачиваю корпус. Мой хук приходится в челюсть и подбрасывает его голову вверх. Правый боковой получается неточным, но его сила сотрясает тело противника. Левый апперкот теперь уже в его печень... Француз делает шаг назад, он плывёт так же, как несколько секунд назад плыл я. И так же как я, он пока ещё держится на ногах.

Пока ещё. Крутой разворот тела – и моя стопа летит точно в солнечное сплетение противника. Это мой самый сильный удар. Оппонент прямо подлетает в воздух и с размаха приземляется животом на настил. Нокаут!

Время с начала раунда кажется мне вечностью. На самом деле прошло не более двух минут, а развязка боя и вовсе заняла всего несколько секунд.

Зал замирает. Не слышно ровно ничего. Или у меня заложило уши от ударов? Но не успел я ещё испугаться за потерянный слух, как в тишине раздаётся первый хлопок ладоней. Он повторяется, его подхватывает кто-то ещё, а затем весь зал взрывается аплодисментами. Люди не знают моего имени, но знают национальность, и десятки человек начинают скандировать:

– Руссе, руссе, руссе!!!

Как же всё-таки переменчива любовь толпы...

Глава первая. История семьи

Мне было 2 годика, когда мама сумела эмигрировать со мной из практически захваченного «красными» Крыма. Чего стоило моему отцу добиться, чтобы нас взяли на мелкое судёнышко румынских контрабандистов – мне неизвестно. Но они взяли нас, а отец остался на берегу, прикрывать с немногочисленными подразделениями эвакуацию армии и гражданских. Мы ничего не знаем о его дальнейшей судьбе, и я давно уже смирился с потерей. Но мама до сих пор живёт безумной надеждой, да и как ей по-другому?! Ведь она так хорошо знала его, так сильно любила и любит по-прежнему... Так что как бы там ни было, в её памяти и в её сердце он действительно жив.

А много ли запомнит двухлетний ребёнок? Я, впрочем, помню, что мама была счастлива рядом с ним и много улыбалась. Помню шинель и фуражку цвета хаки, помню запах, исходящий от всех вещей отца. Он был неповторимым, хотя только теперь я понимаю, что это был запах войны – запах пороха, гари и крови... Иногда мне кажется, что я помню его голос, его лицо. Хотя лицо я хорошо знаю по немногим сохранившимся фотографиям. В памяти отпечатался момент, когда он сажал нас на корабль. Как сейчас, я вижу кромку пустынного берега, граничащего с холодным осенним морем и его одинокую фигуру с поднятой в последнем прощании рукой...

Участь тех, кто не успел эвакуироваться, не сумел бежать, была поистине страшной. Людей загоняли на полусгнившие баржи, а затем топили в ледяной морской воде. Большевики не делали различия между теми, кто дрался до последнего и теми, кто в принципе не был способен взять в руки оружие.

Вместе с пленными и ранеными солдатами гибли женщины, старики, дети. Впрочем, для красивых женщин, девушек и даже девочек одно исключение озверевшие «красные» делали. Только это исключение для последних становилось порой более ужасной участью, чем смерть в ледяной воде.

...Родители познакомились в 17-ом году. Страшный год для моей Родины. Анархия, захлестнувшая страну, разрушила прежние устои жизни русских людей. Поместья разорялись крестьянами, а их владельцам в лучшем случае сохраняли жизнь. В городах же творился бандитский разгул: реформированная и забитая новой властью полиция была неспособна навести порядок. Людей грабили когда угодно и где угодно. Криминальный элемент скоро пополнился дезертирами с фронта и запасниками, нежелающими воевать. Они были вооружены и очень опасны для тех, кто не был способен себя защитить.

Очередной жертвой стала молодая графиня Калязина, от рода которой было 17 лет. На молодую девушку напали на улице в вечернее время. Если днём какой-то относительный порядок ещё соблюдался, то в темноте никто уже не рискнул бы прийти на помощь молящей жертве. Практически никто.

...Ломая пальцы, ей выкручивали руки, стаскивали кольцо. Из ушей вырвали серьги – дешёвка, мама в тот момент не носила дорогих украшений, но кто из налётчиков (бывшие солдаты) понимал их реальную ценность? За желание юности немного покрасоваться она расплатилась шрамами на ушах, которые всю последующую жизнь скрывала волосами. На ней уже рвали одежду, и молодая девушка внутренне готовилась к самому худшему моменту в жизни... Но тут появился ОН! Мой будущий отец, на тот момент являющийся юнкером Александровского военного училища.

С детства физически развитый, он любил на масленицу сойтись в извечной русской забаве – «стенка на стенку». В училище же серьёзно увлёкся боксом. И в тот ужасный вечер мощные удары его рук спасли жизнь и честь матери. До ужаса напуганной, в окровавленной

и разорванной одежде, он не мог позволить ей добираться до дома в одиночестве. А на следующей неделе в увольнение явился с букетом цветов.

Сейчас я понимаю реакцию матери и её чувства, связанные с отцом. Те фотографии, что я видел, сохранили его чистый и мужественный взгляд, красивое лицо молодого человека. Человека, выбравшего служение Родине, как главную цель в своей жизни.

А она? По происхождению из достаточно богатой и влиятельной семьи, мама с детства купалась в заботе и любви близких. Родители ни в чём не отказывали любимому чаду, и это, безусловно, отложилось на её воспитании. С годами, превращаясь из шаловливого и капризного ребёнка в яркую и очень красивую девушку, она не знала недостатка мужского внимания. Уже в 16 лет кавалеры признавались юной чаровнице в любви и просили её руки и сердца. Кого только среди них не было: газетчики, крупные помещики, промышленники, офицеры и даже престарелый генерал. Конечно, замуж ей было ещё рано; впрочем, возможно, бабушка и дедушка могли бы дать согласие на брак с выгодной партией. Но тут уже они столкнулись со своенравным и капризным характером матери, которая мечтала о большой любви, знание о которой почерпнула из трогательных женских романов.

Отечественная война тогда ещё никак не коснулась жизни тыла. Конечно, где-то случались перебои со снабжением, и поднимались цены на отдельные продукты, но всё это было частными явлениями. В больших городах ещё давались роскошные балы и накрывались богатые столы... пока ещё.

С отречения Царя в стране началась настоящая смута. Куда-то пропали все кавалеры, что трепетно признавались маме в любви. Начались перебои с едой – Москва 1917 года голодала. Хуже всего было то, что дед пропал где-то в февральском Петербурге...

Деньги быстро теряли цену, а дворянок и купчих, пытающихся менять драгоценности на продукты, зачастую грабили.

Чем дальше, тем становилось хуже. Если весну 17-го продержались на старых запасах, то осенью нечем было даже топить дом. Мама попала в руки грабителей во время поиска бесхозного топлива.

Жизнь, разрушенная за год, потеря близких людей, наконец, травма, обезобразившая её красоту – всё это полностью сломало её. От каких-либо необдуманных поступков (а экзальтированная молодёжь любила самоубийства) спасало постоянное присутствие бабушки, да смутные грёзы о герое, что спас её. В темноте, не отойдя ещё от пережитого ужаса, она не смогла разглядеть юнкера. И надломленное сознание посещали разные нежные образы и мечты, что казались совершенно несбыточными.

Но вот он пришёл к ним домой. Не такой, каким она себе его представляла, а гораздо лучше – *настоящий*. Да вдобавок высокий, сильный и мужественный. В парадной форме и с цветами, он показался ей воплощением истинной мужской красоты. Пытаясь наспех привести себя в порядок после недельной хандры и практически полного отсутствия питания, она провозилась довольно долго. Но отец, тем не менее, терпеливо ждал, хотя увольнение было коротким.

Его напоили жиденьким морковным чаем, а от предложения сдобрить его настоящим французским коньяком юнкер отказался – не хватало ещё прийти с запахом спиртного в часть. Накормить же молодого человека было и вовсе нечем. Подавленная травмой мама не могла вымолвить ни слова от смущения, а вопросы о здоровье и самочувствии заставляли её лишь сильнее закрыться в себе. Беседу в основном вела бабушка.

Однако юнкер тогда неправильно понял переживания матери. Сочтя, что его не воспринимают как ровню в такой именитой семье (а многие офицеры и юнкера тогда жили ещё старыми понятиями), он решил уйти. Отец действительно почувствовал себя чужим; выходец из не очень зажиточной мещанской семьи, он был бы рад спасти кого-нибудь попроще. Но судьба в тот злополучный вечер решила свести именно их. Скорая схватка с вооружёнными

грабителями, красивая (даже в темноте это угадывалось) девушка, которую он защитил... Её приходилось (и не без удовольствия) близко прижимать к себе, пока он провожал её, дрожащую, до дома... Разорванная одежда не могла скрыть изгибов нежной шеи и мрамора кожи. Столь волнующее соседство при столь бурных обстоятельствах не могло не сказаться на чувствах юнкера. Практически не знающий женщин (и ни одной до того не познавший), отец и сам грезил новой встречи не хуже матери.

Но холодный приём оттолкнул его. Списав всё это на извечную гордость знатных дворян, он, раздосадованный, направился к выходу. Но в тот момент мама встрепелась и в неконтролируемом порыве чувств резко встала и непослушные локоны обнажили причину скрывавшего её стыда. Исхудававшие щёки девушки зарделись, а в глазах заиграла непередаваемая палитра чувств: боль, смущение, смятение, надежда. На них сразу навернулись слёзы; из-за волнения и недоедания дыхание её участилось. Она молчала, не в силах произнести ни слова. Но в тот миг всё сказали глаза.

Отец, внимательный и чуткий, мгновенно прочитал во взгляде будущей жены всё то, что не было сказано. И тогда он спросил:

– Сударыня, позволит ли ваша маман, и не будите ли вы против ещё одного моего визита?

Девушка оживилась, резко повернулась к бабушке:

– Мама...

Бабушка лишь кивнула с лёгкой улыбкой в ответ:

– Пожалуйста, обязательно приходите ещё. Мы будем вам очень рады!

Юнкер ушёл, пообещав непременно вернуться через неделю. Перед уходом, кстати, успев сделать запас дров.

Всю неделю мама жила надеждой на следующую встречу. Она резко похорошела, в ней проснулся здоровый аппетит, на щеках вновь заиграл румянец. В доме вновь слышался её счастливый звонкий смех. Бабушка тогда сказала:

– Собирай все драгоценности. У Графини Калязиной должно быть хорошее приданное!

Но через неделю к ним никто не пришёл. Это был октябрь 1917-го года.

...Несмотря на то, что власть Временного Правительства поставила страну на край гибели, приход большевиков московские юнкера встретили с оружием в руках. У них были серьёзные мотивы: повальные аресты и расстрелы, призыв к уничтожению Церкви и людей, принадлежащих ранее к правящим классам. Честь будущих офицеров не позволила разделить стремление большевиков к заключению сепаратного мира с Германией. Свою негативную роль сыграл и чересчур «интернациональный» состав правительства. Все вместе, эти факторы стали причиной вооружённого выступления юнкеров.

Всем известен результат восстания. Несмотря на доблесть и мужество молодых людей, отсутствие боеприпасов и численное превосходство противника сыграло решающую роль.

А перепуганные женщины из семьи Калязиных однажды увидели лежащего под дверью дома раненого юнкера. Это был мой отец. Получив рану в бою и находясь в беспомощности, он побрёл туда, куда страстно желал попасть.

Бабушка сильно колебалась; но пока родительница терзалась в сомнениях, дочь мёртвой хваткой вцепилась в раненого избранника, всем своим видом показывая, что не оставит его ни за что на свете. Время было страшное: раненых юнкеров и офицеров искали по домам, проводились классовые чистки. Мою семью спасло лишь то, что они сумели бежать, наняв повозку с ездовым. Заплатили они одной из семейных драгоценностей. Впрочем, драгоценностей тогда было ещё много.

Первое время они укрывались в деревне под Москвой. Когда отец оправился после ранения, двинулись на Дон – там начиналась организация первого сопротивления большевикам; туда же стекались все те, кто готов был с оружием в руках бороться против внутреннего захватчика. Пока Калязины выхаживали отца, молодой мужчина и девушка стремительно влюбля-

лись друг в друга. Огонь их безудержно вспыхнувших чувств толкал порой на необдуманные поступки. Они венчались, а через девять месяцев у них появился я.

На Дон родители отправились без бабушки – ведь двоим молодым людям было проще перемещаться. Тем более, тогда они не знали о грядущем пополнении. И, надо сказать, что с момента расставания с бабушкой, мама больше никогда её не видела.

За время того тяжелейшего путешествия родителям чудом удалось сохранить ребенка. Вместо того, чтобы воевать, отцу постоянно приходилось находиться рядом с молодой женой, хотя это ничуть его не огорчало. Родители смогли попасть на настоящий пароход, на котором добрались до казачьих областей. Там они сошли. Молодой доброволец оставил жену в казачьей семье, хорошо им заплатив за жильё и питание. Сам же он отправился воевать в составе Донской армии генерала Краснова. Он прошёл долгий и тяжёлый путь, несколько раз был ранен, переболел тифом, бежал из плена. Но судьба хранила его.

Время гражданской войны было очень тяжёлым для страны. Но тогда ещё была жива надежда. Надежда на то, что советскую сволочь прогонят, а мучителей русской земли истребят. Надежда на возрождение и сохранение России. Эта надежда отражалась бликами солнца на штыках добровольцев, которым дали почётное звание «белогвардейцев». Но эта надежда покидала людей, когда они видели удаляющийся берег Крыма в 20-ом году.

Всё это рассказала мне мама. История встречи с отцом, история их любви и приключений, которые они вместе пережили, обрастали всё новыми и новыми подробностями. Её повествования заменяли мне и детские сказки, и приключенческие романы, вроде мушкетёров Дюма. И я понимаю маму, её чувства и безумную надежду на хотя бы ещё одну встречу с мужем.

Красивая, несмотря на все невзгоды, молодая русская женщина, даже на руках с ребёнком могла ещё найти себе мужчину, обрести новую семью. Однако она была венчана с отцом и не желала себе кого-либо ещё. Она также не знала о том, жив ли муж или нет, и это давало повод для отказа очередным предложениям.

...Румыны привезли нас в Болгарию. У мамы тогда ещё оставались кое-какие средства: в первую очередь вшитые в детскую одежду драгоценности. Она искала дорогу во Францию – однажды, ещё до войны, будучи ребёнком, матушка была в Париже. У деда там оставались какие-то знакомые и общее предприятие. И она надеялась на помощь этих людей просто потому, что надеяться больше было не на кого. Молодая, неопытная и не приученная к самостоятельной жизни женщина, она допустила слишком много ошибок...

Детские вещи, в которые были вшиты драгоценности, у нас украли. Кое-как добравшись до Парижа, она потратила всё оставшееся, ведь не зная истинной ценности украшений, она отдавала их практически за «так». Она верила, что добрые и галантные французы, улыбчивые кавалеры и шутники, в своём великодушии окажут помощь одинокой матери. Тем более, те люди, к которым она направлялась за помощью, дружили и имели деловые связи с её отцом. В частности, часть своих капиталов дедушка вложил в их промышленное производство.

Но в молодой русской женщине с двухлетним малышом на руках просто отказались признать графиню Калязину. Французские дельцы давно уже считали средства нашей семьи своими собственными, и признавать в маме наследницу совершенно не собирались. Конечно, в былые времена на них легко можно было бы найти управу. Но в 20-е годы Европу наводнили русские эмигранты, пытающиеся хоть где-то и как-то пристроиться. «Правящий класс»: дворяне, купцы, промышленники, интеллигенция, офицерство... что их ждало? Только те, кто в своё время позаботились открыть счета в европейских банках и сумели доказать свою личность, получили возможность жить достойно.

Большинство же превратилось в третьесортных рабочих: дворников, таксистов, грузчиков. Генералы белой армии, сражавшиеся ещё в Русско-Японскую и Мировую войну, «спасители Франции» 1914 года, теперь трудились метрдотелями в ресторанах. Те, чью независи-

мость, жизнь и достоинство спасла русская армия в начале войны, забыли о долге чести. Да и была ли у них когда-нибудь честь?

Так что мама оказалась никому не нужна, податься ей было некуда. Неоткуда было ждать помощи: соотечественники не могли её оказать, французам же было наплевать на трагедии русских беженцев. Быть чьей-то содержанкой или даже женой она отказалась. Для нас наступили голодные и холодные дни на чужбине. В поисках заработка и более тёплого климата (а зима в Париже без нормального крова остаётся зимой) мы отправились на юг. Приморский Марсель стал для нас второй родиной, а для меня в принципе родным городом, в котором я вырос.

Нормальная работа для русских отсутствовала и в Марселе; но, по совести сказать, у большинства эмигрантов не было полезных специальностей или определённых навыков. Мать пыталась приткнуться и на рыбный завод, и на фабрику по вышиванию. Но домогательства со стороны руководства предприятий вынудило её покинуть эти более или менее тёплые места. В конечном итоге её основной профессией стала уборка улиц. Как женщина, она перестала стараться быть хоть сколько-то привлекательной, чтобы не стать добычей очередных молодчиков. Тяготы суровой и бедной жизни, потери и внутренний пожар чувств (в которых переплелось всё: любовь и жалость к сыну, тоска и надежда о муже, гнев и обида на несправедливость) и наконец, чисто женское одиночество – всё это надломило и состарило маму.

...Но рос я. Маленький, жизнерадостный и весёлый мальчуган, который был рад своей маме, который любил её, и с детства приучился ей помогать. Которому было достаточно иметь только одного родного человека. И я стал тем, кто наполнял её жизнь и тоскующее сердце без остатка, тем, ради кого она жила и боролась.

Глава вторая. Реалия Марселя

Пройти сквозь ряды рукоплещущих французов мне помогает Поль. После боя меня сильно шатает, и тренеру приходится придерживать ученика за руку.

...Поль Пуатье, мой тренер по французскому боксу, стал мне очень близким человеком. Пуатье один из немногих французов, который сохранил честь в отношении к русским людям. И он уже успел отчитать меня за то, что я полез в рубку с фаворитом, и поздравить с крупным выигрышем – десятью тысячами франков. Этой суммы хватит на то, чтобы погасить все (и немалые) долги семьи и подготовиться к следующему бою. Естественно с условием того, что маме не придётся работать.

И вот наконец-то раздевалка. Я с трудом сажусь, мне подают полкружки с водой. Больше пока пить нельзя, можно посадить сердце. Пью короткими глотками, старательно смачивая язык и губы – так легче бороться с жаждой после горячей схватки. Вода как всегда чуть подслащена сахаром и лимонным соком. Самый любимый напиток.

– Никита, ты дурак. Но ни один другой дурак не смог бы выстоять под таким градом ударов. Я, конечно, знаю тебя и верил в твою победу, но сегодня... сегодня ты ещё раз смог удивить старого Поля.

– Тренер, победа в этом поединке ничего не значит в сравнении с вашими словами!

Я говорю искренне, ведь похвала человека, столь много в меня вложившего и столь много для меня сделавшего, не могла не трогать. Поль улыбнулся и с какой-то потаённой грустью сказал:

– Умеешь сделать приятно пожилому человеку... Никита, если мои слова столь значимы для тебя, постарайся выслушать и понять всё, что я сейчас скажу. Жером хочет организовать для тебя бой. По правилам «шоссона». Через неделю в порту.

Жером – это один из главарей портовых банд, родом из Корсики. Он и его люди беспрекословно подчиняются Полю Карбону, главарю криминального мира Марселя. Карбон контролирует всю теневую жизнь города: контрабанду, проституцию, вымогательства. Его люди безжалостно уничтожают ненужных свидетелей любого социального статуса и положения, а при первой необходимости жестоко подавляют беспорядки в порту. Он очень известный человек, которого хорошо знают и уважают даже в Париже. Ведь именно его силами и разумом организованы поставки и транзит опиума в Америку. Никто не смеет идти против Карбона и его людей, если конечно не хочет расстаться с жизнью. Однако если речь идёт лишь о турнире...

– Учитель, я готов и буду драться хоть по правилам «тапочка», хоть «ботинка», хоть английского бокса. Известен противник?

– Никита, ты молод и ничего не понял. Бой нужно будет проиграть, это обязательное условие. Если же ты одержишь победу, цитирую дословно: «мы знаем, где живёт его мама...».

Кровь бросилась к моему лицу, а кулаки бессильно сжались от немого гнева. Эти твари посмели угрожать моей матери!

– Не глупи! У тебя все эмоции написаны на лице. Но их двенадцать вооружённых отморозков! Что ты с ними сможешь сделать в одиночку?! А если и сделаешь, такие вещи люди Карбона не прощают. В самом лучшем случае, ты займёшь место одного из бандитов. А там, если ты не в курсе, вяжут кровью.

Я был в курсе. И прекрасно понимал, что до этого не дойдёт – одного отморозка с револьвером мне будет достаточно. Просто было обидно. И я даже догадывался, кто будет моим оппонентом в следующей схватке.

– Рауль?

– Рауль.

...Моё детство запомнилось мне чувством одиночества. Мама уходила работать порой засветло, а возвращалась лишь ближе к вечеру. Днём она забегала минут на двадцать – покормить меня, и снова убегала на работу. Мы жили в крошечной каморке, с малюсеньким окном, столом и двумя стульями. Даже кушетка у нас была одна на двоих, а единственной драгоценностью и украшением дома были книги. Чаще всего выброшенные кем-то ранее...

...Несмотря на бедность, мать сумела подготовить меня к школе. Не имея практической специальности, она отлично знала французский (и не только), свободно говорила на нём, читала и писала. Потому ей не составила труда научить меня читать книги Дюма на языке оригинала в возрасте пяти лет. А в школу я пошёл, умея читать, писать строчные буквы и считать до ста.

Однако на месте оказалось, что мои, казалось бы, достоинства, на деле окажутся недостатками... Подумать только! Как же я радовался вначале, когда только попал в школу! Вокруг были мальчики и девочки, с которыми можно было дружить, общаться, разговаривать! Играть на переменах, иметь какие-то свои тайны! И учёба мне давалась совсем легко, меня ведь так хорошо подготовила мама... Это сейчас я понимаю, что она хотела как лучше, пытаясь дать мне первичное домашнее образование сверх школьной программы. Ведь я был наследником старинного русского княжеского рода, а там необразованных людей не было. Всякие были – смелые и трусливые, подлые и великодушные, те, кто приумножал богатства и те, кто легко их терял. Но все без исключения имели хорошее образование.

Но мама не учла, что учился я не в дворянском пансионе и даже не в старой доброй русской гимназии. Я учился среди детей самых бедных слоёв Марселя, большинство из которых просто не было способно к учёбе. Зато все они желали лучшей жизни. А лучшая жизнь в городе была у бандитов и их приживалок. Так, по крайней мере, нам тогда казалось. И детское поведение уже изначально было запрограммировано на суровое существование в борьбе за жизнь, в которой выживают не одиночки, а стаи.

Я же во всём слушался учителей, старался учиться и получал хорошие отметки. При этом я очень хотел общаться и дружить, но одинокое детство уже наложило на меня свой отпечаток. Мне тяжело было идти первым на контакт.

Кончилось всё это плохо. Какой-то чужой и непонятный для остальных ребёнок, я быстро стал не только изгоем, но и объектом чужих издевок и насмешек. Масло в огонь подлило то, что однажды я проговорился, что являюсь русским. Травить меня начали с удвоенной силой. Я этого не понимал. Особенно странным было то, что отношение ко мне изменили и некоторые учителя, прознав про мою национальность. Не все конечно, но...

Но именно тогда я понял, что быть русским сложнее, чем кем-либо ещё. В моём классе учились французы, итальянцы, корсиканцы (держались отдельной кучкой), даже марокканец, но травили за происхождение только меня. Ещё правда, была одна девочка без национальности, с иным оттенком кожи. Однако, это отдельная история.

Были периоды, когда я вёлся у сверстников на поводу и начинал вести себя так, чтобы не выделяться из толпы. Я прекращал учить, я специально получал плохие оценки, я молчал, даже когда прекрасно знал предмет. Активно участвовал в травле ещё более незащищенных жертв, обычно дочек портовых проституток. В большинстве своём их ждала участь их родительниц, а первыми их мужчинами становились сразу несколько ребят из какой-нибудь стайки посильнее. И происходили подобные вещи в совершенно юном возрасте... Стараясь как-то выслужиться перед теми, кто лидировал в классе, я унижался до последнего и совершал самые глупые и подлые выходки, на которые меня толкали «товарищи». Например, однажды, я измазал навозом кресло молодой учительницы, что относилась ко мне как раз по-человечески, и старалась поддержать. Мне было невероятно стыдно и плохо, когда я совершал этот поступок. Но я не остановился. И когда совсем молодая ещё девушка садилась в кресло, как же я хотел тогда её остановить, предупредить! Но нет... Когда она вскочила и потребовала назваться

того, кто это сделал, я молча встал, не смея поднять лица и посмотреть ей в глаза. Остолбенев от моего предательства, она смогла лишь произнести единственное:

– За что?

У меня не хватило сил даже попросить прощения... Она ушла из школы, а я продолжал учиться, хотя должно было быть совсем наоборот.

Мать же страдала, видя перемены во мне и то, как я отдаляюсь от неё, становлюсь чужим, получаю плохие оценки. Она понимала всё, что происходит, но не могла ничего изменить. Разговоры со мной не помогали, а пороть сына она не решалась. Но однажды ночью я услышал её сдвоенные рыдания и как-то сразу понял, что это из-за меня. Из-за того, что я превращаюсь в деградирующее животное без чести, совести и будущего, несмотря на все её усилия.

Эти слёзы мамы разбудили во мне что-то мужское, они стали последней каплей. По сути, они спасли меня от падения в пропасть скотского существования и духовной деградации. На следующий день я пришёл в класс и прокричал в лицо тем, кто заставил меня пойти на предательство:

– Вы все скоты! Вы ничтожество, вы ничто! Вы не стоите даже пальца Шарли (учительницы), даже её изгаженной юбки-ВЫ НЕ СТОИТЕ!...

Договорить мне не дали. Вожак класса, Дюк Люсье, лишь коротко усмехнувшись, со всей силы ударил меня в живот. Охнув от боли, я согнулся; меня тут же свалили и начали бить ногами, топтать, рвать одежду. Как же меня тогда били... и откуда в тринадцатилетних детях столько ненависти и жестокости? Да, мама сумела разбудить во мне что-то мужское, но для того, чтобы я стал мужчиной, научился себя защищать – нужен был муж и отец, которого у нас не было. Или хотя бы просто другой мужчина...

Какое-то время я просидел дома. Одежду на мне порвали, а другой у меня не имелось. Маме нужно было долго копить те копейки, что она получала дворником. И тут вдруг пришёл ОН. Он – это Владимир Петрович. Дворник, такой же, как и моя мама. Она была ему не безразлична, но зная историю её любви к мужу, и имея к тому же весьма солидный возраст, он ограничивался лишь тем, что иногда помогал лишней (а ведь лишних то не было) монеткой. Да пару раз отвадил слишком уж настырных ухажёров. В возрасте-то в возрасте, да только Владимир Петрович начал свой боевой путь ещё добровольцем на стороне буров; так же добровольцам дрался против японцев. На Балканы в 1912 году поехал уже профессиональным военным, а в Мировую дослужился до полковника. Гражданской и всех переворотов в стране не принял. Не стал ничего для себя выбирать, считая самым ужасным проливать кровь соотечественников. Оба его брака были неудачными, и во Францию он отправился один. Но оказалось, что на чужбине очередной русский офицер никому особенно и не нужен.

Его боевой опыт высоко оценили местные бандиты и довольно долго настаивали на участие в местных криминальных разборках. Но Владимир Петрович сумел отстоять себя (что было невероятной редкостью), свои идеалы и свою мирную жизнь в Марселе.

И вот этот человек запросто пришёл к нам и предложил мне учиться у него боксу:

– Никита, мужчина должен уметь себя защищать. Иначе он никогда не сумеет доказать, что он мужчина. Я знаю хитрую английскую борьбу, боксом называется...

Я тогда восторгался, ведь боксом занимался мой отец! И конечно, я согласился тренироваться.

Начал Петрович, впрочем, не с ударов, а с формирования моего тела. Я стал бегать кроссы; у себя дома он поставил турник, на котором я очень долго висел, прежде чем научился подтягиваться. Чтобы суметь подтянуть свой вес на перекладине, я помногу и часто отжимался. Он немного подкармливал меня, чтобы увеличить интенсивность роста мышц. И вот, наконец, мой первый урок настоящего бокса, который практически целиком отпечатался в моей памяти:

– Смотри внимательно. Чтобы сильно ударить, нужно бить быстро – второй закон Ньютона, небось слышал? Ну так вот, бьём быстро, а это значит, что руку нужно расслабить, а не напрягать – ошибка всех новичков. Далее. Что гласит второй закон?

– Сила равна массе, помноженной на ускорение!

– Правильно, молодец. С ускорением мы всё поняли, теперь с массой. Когда ты бьёшь одной рукой, ты вкладываешь в удар вес только этой руки. Но если во время удара ты переместишь вес тела на противоположную ногу и скрутишься корпусом в удар, ты нанесёшь его всем телом...

...Джэб. Прямой удар левой рукой. Лёгкий удар, в одиночку практически ни на что не годный. Максимум нос разобьёт. Но частые джэбы дезориентируют противника, заставят потеряться. А ещё им маскируют главный удар, кросс.

Кросс – это прямой удар правой руки, у правши он гораздо сильнее джэба, потому что бьётся дальше. А связка джэб-кросс эффективна тем, что джэб позволяет разогнать тело перед правым прямым. Главное здесь – чётко попасть. Твоя цель – попасть костяшками указательного и среднего пальцев в ямочку на подбородке...

...Боковые удары – хуки и свинги. Отличаются тем, что хук бьётся на ближней дистанции, а свинг с дальней. Принцип тот же – перенос веса тела в момент удара, и вкручивание корпуса. Основные ошибки – многие любят бить размашистые, длинные удары. На самом деле гораздо сильнее будет короткий и резкий удар. Кроме того, пока человек замахивается, его легко пробить прямым.

...Апперкот. Этот удар наносится вблизи, снизу вверх. Он хорош тем, что его плохо видят и от него труднее защититься. Есть ещё корпусные апперкоты – их желательно наносить в печень, солнечное сплетение и по селезёнке. Корпусные апперкоты порой эффективнее ударов в голову. Ещё есть диагональный хук. Этот удар вообще-то справедливее назвать апперкотом, но бьётся он не снизу вверх под прямым углом, а наискось, по диагонали. Отсюда и название. Такой удар обычно получается гораздо сильнее. Кстати, ты знаешь, что такое диагонали?...

...Удар должен наноситься на выдохе, когда ты выстреливаешь рукой. Именно выстреливаешь, понял? Только таким быстрым должно быть твоё движение. Если бьёшь на выдохе, руку возвращаешь на вдохе. Тогда ты не задохнёшься и будешь «работать» на протяжении всей схватки в полную силу. Кроме того, в момент выдоха напрягаются брюшные мышцы, и тогда противнику нелегко будет пробить твой корпус...

...Никогда не забывай о защите. Руки у головы – это закон. Двигайся, учись бить с шагом вперёд и назад – неподвижный боксёр является мишенью. Наноси удар правильно, чуть завернув кулак внутрь, чтобы бить костяшками...

Да, я как сегодня помню этот урок и этот день. Владимир Петрович сшил для меня настоящий мешок из свиной кожи, набив древесными опилками, сумел смастерить перчатки и лапы. В начале я бил по лапам, учась наносить удары правильно; ориентиром становился звук. Глухой и тусклый – значит, ударил слабо или не попал. Звонкий, хлесткий – такой удар нанесёт урон. Как только я научился чуть-чуть бить, мы сразу начали отрабатывать защиту: нырки, уклонь, контратаки и конечно, блоки. Чуть позже, на мешке, я начал отрабатывать силу ударов. И каждый день, каждая тренировка что-то во мне меняла. Я становился всё более спокойным и уверенным в себе. Я перестал бояться, вспоминая школу. У меня была цель, и я упорно к ней шёл.

Занимались мы несколько месяцев. В это время я не ходил на учёбу, моё образование взяла на себя мама. Я даже немного помогал ей, работая летом грузчиком в порту на полставки. Было мне тогда четырнадцать лет... Но вот начался ещё один учебный год. Несмотря на продолжительное отсутствие, моего багажа знаний оказалось достаточно, чтобы продолжить учёбу в «родном» классе. И вот я вернулся, невозмутимо смотря на глумливые усмешки одноклассников.

Но сразу стая Дюка ко мне не полезла. Во-первых, они давно меня не видели, а за прошедшее время я крепко подрос, раздался в плечах и подвёрнутые рукава не скрывали жилистых, мускулистых рук. Смущало их и моё независимое поведение. Потому, чтобы докопаться до меня, им нужен был кто-то на затравку. Кто-то, над кем можно вдоволь поглумиться, потешиться, и кто гарантированно не сможет себя защитить. Этой жертвой стала Зои.

...Она была не просто дочерью шлюхи; она была дочери шлюхи, родившей от негра. Это был низ падения даже для проститутки – родить от негра. Кроме того, ходили слухи, что несмотря на профессию, родительница Зои хотела лучшей жизни для дочери, хотела когда-нибудь забрать её с собой и уехать, защитив от своей участи. Она даже умудрялась как-то участвовать в её жизни, сыто кормить и один раз купила ей эклеры. Франция, эклеры... А в Марселе дети бедняков их никогда не ели. И эти пирожные, которые когда-то попробовала дочь самой бесправной из нас, больше всего задевали одноклассников.

Сама Зоя к 14 годам оформилась в довольно милую и зрелую девушку с европейскими чертами лица и кожей цвета молочного шоколада. Её никак нельзя было назвать страшной и отталкивающей. И девушка, с пронзительными карими глазами и волной выющихся волос до пояса это уже осознавала. Ко мне она относилась терпимее многих; я же издевался над ней в своё время, когда изо всех сил прогибался под негодаев. Но теперь всё это было в прошлом.

Дюк полез к девушке сам, потому что его кодла вполне уже облизывалась на её тело. Он хотел быть первым и тем самым заявлял на неё свои права. И издёвки его принимали совсем уже не детский характер.

Я не помню, что он говорил. Что-то про чёрную шлюху, которая должна ублажить всю его команду после уроков. Ощущая внутри себя весёлую и очень азартную злость, я с улыбкой подошёл к нему и сказал:

– Оставь Зои в покое, Дюк.

Он улыбнулся в ответ.

– Что русский, мало тебе в прошлый раз дос...

Договорить он не успел. Я несколько месяцев готовился ради этого мгновения. И долгое ожидание оправдалось в полной мере.

Всю свою ненависть, гнев и жажду мести я вложил в правый кросс. Ударил настолько быстро, что сам не смог уловить движения руки; испугался даже, что удар вышел слабым и неточным. Но на деле я чётко попал в подбородок; а сила удара была такова, что весь класс услышал, как громко лязгнули челюсти Дюка, прежде чем он с грохотом рухнул на пол.

На меня тут же бросились двое его прихлебателей. Первый попытался ударить размашистым боковым слева. Я свалил его коротким и жёстким хуком правой руки. Под удар второго я нырнул с одновременной атакой по корпусу; разогнувшись как пружина, тут же нанёс два сильнейших боковых удара. Оба нашли свою цель.

В течении каких-то считанных секунд я «выключил» сразу трёх парней, одних из наиболее наглых, жестоких и сильных в классе. Это наполнило мою душу диким восторгом победной схватки, чувством пьянящим и опасным. Я повернулся к оставшимся «бойцам» и поманил их к себе рукой, бросая вызов всем без исключения.

На деле я сильно рисковал. Если бы оставшиеся пятеро набросились на меня разом, я вряд ли бы выстоял. Но столь скорая победа над «центровыми» ошеломила весь класс. Никто не решился ответить на мой вызов и атаковать. Кроме того, была ещё одна причина их бездействия: один из членов группы желал стать лидером. В дальнейшем, сложившуюся ситуация он развернул в свою сторону, подмяв разбитого Люсье.

С этого дня мой авторитет в классе стал непререкаем. И ребята, и девушки искали общения со мной, но более всех преуспела Зои. Возможно, я был первым, кто когда-либо заступился за неё. В моём лице она нашла надёжного защитника и покровителя. Я же, наконец-то обрёл друга-ровесника. Пускай она была девчонкой – плевать. Важно то, что она меня понимала.

Мы оба любили читать и много фантазировали о временах мушкетеров и кардинала. А приходя на море, тут же предавались мечтам о корсарах и Новом Свете, играли в индейцев. Я читал также русских авторов, и иногда Зои просила прочитать ей что-либо на моём родном языке...

Это был относительно короткий период счастливого времени. Я хорошо учился и закончил школу одним из лучших. В порту меня взяли грузчиком на полную ставку. Какое-то время спустя я сумел устроиться официантом в довольно неплохом ресторане в «цивилизованной» части города. Там я получал больше, чем на разгрузке даже без чаевых. И я наконец почувствовал себя настоящим мужчиной, добытчиком.

Свыше мне было дано 2 года безмятежной жизни. Затем судьба сделала очередной изгиб, поменяв свой цвет на чёрный.

Вначале разболелся Петрович. Работая на улице в любую погоду, он поймал ангину. Казалось бы, лёгкая простуда, ничего страшного. Но сказался возраст, больное горло дало осложнение на сердце. Мой самый близкий человек (после мамы) слёг, и я залез в крупные долги, чтобы достать лекарства. А для того, чтобы вернуть деньги, всё время приходилось работать. Помимо ресторана, я снова вернулся в порт.

Всё более сложными становились отношения с Зои. Мы редко виделись; а между тем миловидный подросток преобразился в красивую девушку. Я не мог не засматриваться на её тонкий стан, красиво очерченные бёдра и высокую грудь... Она безумно грациозно двигалась на своих длинных ногах; лукавые карие глаза и полные чувственные губы манили... Зои давала ясно понять, что хочет стать кем-то ближе, чем просто другом.

Однажды, во время одной из немногих наших встреч, мы решили задержаться на море и полюбоваться закатом. Если я и любил что-то в Марселе, так это море. Мы обожали плавать, обожали шум волн; в вечернюю пору с наслаждением бродили по кромке песчаного берега.

Вот и в тот день мы задержались после купания, чтобы увидеть, как солнце погружается в морскую воду... Это чарующее зрелище, чувство полного единения с природой и ощущение вечности, которое посещает человека в такие мгновения, создали неповторимую атмосферу близости. Её лицо оказалось вдруг совсем рядом с моим; её глаза, отражающие закат будто звали меня... И повинаясь этому зову, с бешено колотящимся сердцем, я коснулся своими губами её полных и чуть влажных губ. Она не отстранилась; в момент прикосновения по телу будто прошла электрическая волна. Это был даже не поцелуй, только лёгкое касание; но секунду спустя мы жадно впились друг в друга, сплетя тела в объятьях. Я чувствовал жар и упругость молодого, ещё не тронутого женского тела и стремительно сходил с ума.

Этот вечер мог кончиться близостью, которой каждый мужчина жаждет от красивых женщин. Но я не смог. Когда Зои начала освобождать себя от одежды, я нашёл в себе силы оторваться от её тела. Безумно желая близости с ней инстинктивно, разумом и душой я желал остаться честным. Как человек, воспитанный с детства на примере трагичной любви и верности родителей, я не мог по-другому. А если говорить по чести, то в своих чувствах разобраться у меня не получилось.

Мы были близкими друзьями; она мне очень нравилась и не раз приходила в томящих ночных грёзах. Но мне нужно было больше – мне были нужны чувства, в которых я не стал бы сомневаться. А я сомневался. Моя мама – графиня Калязина, отец – русский офицер. А она дочь шлюхи... Это было жестоко и несправедливо. Несправедливо судить о человеке по родителям, но я не мог ничего поделать с ощущением того, что не хочу жениться на ней. И если бы я перешагнул тогда последнюю черту, зная, что у нас нет совместного будущего, я предал бы её, предал бы нашу дружбу и свою честь.

Зои же не поняла моего поступка, попыталась узнать причину охлаждения. Я же в начале стал не ничего объяснять, но... В дальнейшем решил, что объяснение всё-таки необходимо.

И некоторое время спустя мы ещё раз встретились. К сожалению, я не спросил у мамы совета из-за стеснения и стыда. А раз так, то лучшим выбором (как мне тогда показалось), была правда.

Какой же я был дурак! Как сильно я ранил бедную девушку, всю свою жизнь носившую клеймо матери... Ведь по сути своей, я был единственным её другом... хотя каким другом?! Я стал её первой любовью! А своими словами я её унизил и оскорбил до глубины души, растоптав всякие надежды...

...Кровь отлила от её лица, губы сжались в узкую линию. Из-под плотно сжатых ресниц градом катились слёзы. Она долго сдерживалась, слушая мои слова, лишь тихонечко всхлипывала. Потом, попытавшись что-то сказать, бешено разрыдалась и побежала...

Как же горько я себя тогда чувствовал! Ей, конечно, было гораздо хуже, но всё-таки... Больше всего мне хотелось никогда не говорить этих слов. Хотелось всё исправить; понимая свою ошибку и сострадая Зои, я готов был признаться в любви и позвать её замуж. Но думаю, что она поняла бы мой порыв и ещё сильнее оскорбилась моей жалостью.

Я всё-таки навязался проводить её. Как-то успокоив, пытался разговорить, даже шутить... Это не помогало. Я ненавидел себя, ненавидел весь мир вокруг. Мне хотелось с кем-то подраться, выплеснуть эмоции. И одновременно хотелось, чтобы мне было больно. Больно настолько, чтобы Зои не смогла меня уже упрекнуть. ...Иногда наши желания сбываются.

Их было всего трое. Трое, перегородивших пустынную тропу с дикого пляжа в город. Они не имели с собой оружия; они даже не выглядели достаточно крепкими. Я был явно сильнее любого из них. Пожалуй, самым опасным мне показался центральный, по повадкам старший группы. Наглая, презрительная усмешка; сальный, будто ошупывающий Зои взгляд. Долговязый, с длинными конечностями, он был несколько крепче прочих. Я не ошибся, опознав в нём лидера.

– Эй, шлюшка! Твоя мать давно уже не приносит деньги. Пора бы занять тебе её рабочее место.

Гадкая ухмылка ещё сильнее исказила черты лица этого дегенерата. Зои же дёрнулась, как от удара, её кожа стала мертвенно-бледной. Девушку начало трясти.

– Слушай, убудок. Если у тебя есть лишние зубы во рту, тебе стоит заткнуться. Уйдите с дороги! И может останетесь целыми.

На деле я искал драку. Мною двигало желание выплеснуть раздражение и злобу.

– Да? И кто здесь такой смелый? Ты мне угрожаешь? А ты хоть знаешь, кто я?

– Не угрожаю, нет. Просто предупреждаю. Кто ты, не знаю. Но догадываюсь, что передо мной очередной кусок пахучего дерьма.

Он спустился ко мне один, и я даже пожалел, что не все трое: так схватка выглядела бы эффектнее. Но не зря меня предупреждал Петрович: нельзя недооценивать противника!

Я всё сделал вроде правильно. Держал дистанцию вытянутой руки с ножом, чтобы среагировать на начавшуюся атаку. Руки согнул в локтях у груди – ещё не стойка, но вполне можно успеть поднять для защиты. И отсюда же легко атаковать «карманными» ударами. Но я не учёл одно важное обстоятельство: в Марселе был известен не только английский бокс.

Оппонент неожиданно резко повернулся боком, подтянул к груди правую ногу, и тут же выстрелил стопой мне в колено. Всё это заняло одну секунду; не ожидая подобной атаки, я, конечно же, её пропустил. Дикая боль и гнев бросили меня вперёд, я со всей силы вложился в правый кросс. Но противник нырком ушёл от удара, одновременно обрушивая круговой удар ноги по внешней стороне бёдер. Ощущалось это так, будто по левой ляжке ударили топором. Я действительно упал как подрубленный. Следующие удары пришлись мне в живот, пах и голову...

Я будто сквозь сон слышал:

– Хватайте девчонку. Сейчас отведаем свежего мяса... А то вдруг этот мешок её ещё не раскупорил! Ха-ха-ха!

Нет!!! Эта мысль пронеслась в голове и привела меня в чувство. Я вывернулся на земле и схватил противника сзади за ноги. Он упал; подхватив камень, что есть силы, метнул его в спину ближнего к Зои ублюдка.

– Беги!

Мой бешеный крик заставил девушку встrepенуться и побежать. На меня бросился третий противник, но словив хороший удар, рухнул наземь. Однако затем мои ноги оторвались от дороги, и я больно приземлился на спину. Теперь-то я понимаю, что меня сбили подсечкой.

От ноги, летящей в голову, я закрылся руками. Прикрыл пах, подтянув согнутые в коленях ноги. Но очередная атака сотрясла сознание: сзади мне крепко досталось по почкам... Поднялся третий подонок, и на меня обрушился целый град ударов, от которых невозможно было закрыться.

В какой-то момент, обезумев от боли, я забыл о защите; обхватив ногу одного из нападавших, свалил его. Успел ещё лечь сверху и пару раз пробить рукой – но тут затылок взорвался очередной вспышкой боли. Я провалился во тьму...

Так состоялась моя первая встреча с Раулем. Как оказалось, он был одним из тех многочисленных молодчиков, кто активно рвётся в портовые банды. Своё место они заслуживали вымогательствами у наиболее слабых, мелким разбоем и приводом молодых девушек на панель. Будущих проституток предварительно насиловали.

Я выжил чудом. Местные рыбаки нашли моё окровавленное тело в кустах у дороги – услышали глухие стоны. Какое-то время я действительно был на грани жизни и смерти из-за потери крови и переохлаждения.

Мать чудом не сошла с ума, чудом её не хватил удар. Но вот Петрович... Я больше не покупал и не приносил ему лекарства. А волнение за меня надорвало больное сердце старика. Моего наставника не стало...

Это был страшный удар. Правда, имелась одна хорошая новость – мать Зои действительно скопила деньги на отъезд. Женщины уехали из города в тот же злополучный вечер. Возможно, уехали бы и раньше, но Зои оставалась из-за меня. Прости...

А у меня снова появилась цель. Эту цель звали Раулем. Я понимал, что не смогу изменить ситуацию с бандитизмом и проституцией, не смогу предотвратить сотни людских трагедий. Но вендетта одному конкретному человеку была вполне реальной. Я мог его подловить, мог избить, даже покалечить или убить. Но всё это могло вызвать ответную месть – или от самого Рауля (если бы он остался жив), или от бандитов, которым он служил. У меня ведь была ахиллесова пята – незащищенная мама. А значит, единственным возможным вариантом мог стать бой на тотализаторе, на глазах у болельщиков.

Но в этом варианте у Рауля было преимущество. Бои проходили по определённым правилам, чаще всего – по правилам «шоссона» (тапочка). Шоссон изучал удары ногами, и по результатам первой схватке я сделал вывод, что они имеют превосходство над техникой классического бокса. А значит, мне необходимо было бы учиться технике «марсельской игры» (ещё одно название шоссона).

Проблема заключалась в том, что единственным доступным залом, где можно было поставить технику ударов ног, был зал Поля Пуатье. Но именно там тренировался Рауль.

И всё-таки я пришёл туда. Длительный период времени готовился к тому, что мне придётся драться, как только переступлю порог зала: развивал тело, подолгу упражнялся на мешке. Много бегал, развивал руки подтягиваниями; а сделав самодельные брусья, включил отжимания на них в тренировочный процесс. Прыгал через скакалки, чтобы стать более подвижным, старался отрабатывать удары в «челноке». Много качал пресс, чтобы ударами противника сложнее было достать корпус.

И каждую тренировку я бил свои бёдра деревянной палкой. Вначале я бил очень сильно, чтобы повторить по ощущениям эффект рубящих ударов Рауля. Но подобные удары лишь травмировали. Какое-то время после я не мог тренироваться. Тогда я изменил систему закаливания, сведя силу ударов до минимума. Однако, несколько тренировок спустя, её получалось увеличивать.

И вот он, решающий день. Я захожу в помещение, внутренне готовый к схватке. Но на меня просто не обращают внимание. Мужчины нескольких возрастов разбиты по парам, и как я понимаю, легко спаррингуют, нанося в основном высокие удары ногами; руками же только блокируя удары.

Меня замечает наставник. Среднего роста, крепко сбитый, большая часть его головы была лишена волос; оставшиеся же были седыми. Однако, судя по лицу, ему было чуть больше сорока.

– Парень, ты пришёл тренироваться?

Судорожно киваю в ответ. В этот момент из зала раздаётся знакомый, гадкий голос:

– Мешок с дерьмом снова хочет взбучки? Сейчас...

– Рауль, в зале говорит только тренер. Ученики – с его разрешения. Они обязаны заниматься той задачей, которую он, то есть Я, поставил. У тебя есть задача, и я не разрешал тебе говорить. Что-то не устраивает? Выметайся!

Судя по тому, как Пуатье разговаривал с этим вырождением, и по тому, что тот тут же заткнулся, зал тренер держал крепко.

– Месье! Я хотел бы у вас тренироваться!

– Тренироваться может каждый. Но мои ученики платят деньги. Ты сможешь платить?

Поль назвал сумму. Она была вполне терпимой. С этого дня я начал тренироваться в его зале, в котором, помимо «шоссона», преподавался «сават» (ботинок или сапожок).

...В моей жизни снова наступили счастливые дни. Каждая тренировка позволяла сбросить мне напряжение, избавиться от страха. Каждый новый удар, каждое новое движение вызывало во мне бурю восторга. Я стал значительно гибче и быстрее, лучше стала моя координация и пластика движений. Конечно, присутствие Рауля в зале несколько омрачало общее настроение. Но Пуатье сразу увидел, что мы «знакомы» явно не по-дружески. Он присёк все попытки Рауля подловить меня или встать в пару на тренировочном спарринге, пообещав, что выгонит его из зала. Также Пуатье сказал, что если мы хотим выяснить отношения, то лучше всего сделать это на боях.

Техника ударов в шоссоне давалась мне легче, чем я ожидал. Оказалось, что работая ногами, необходимо переносить вес тела и вкладываться в удар, так же как и в боксе. Только здесь максимальная мощь достигалась благодаря вкручиванию бедра. Ключ к эффективной технике ударов заключался в растяжке, а растяжка становилась возможной после хорошего разогрева. То есть после тех же пробежек, приставного шага, прыжков.

Достаточно быстро я стал неплохо тянуться; и хотя на полный шпагат не садился, мне всё же удавались высокие удары ногами, вроде шассе (бокового удара) или фуэтэ (удара с разворота) в голову. Но это были неточные, не акцентированные атаки и в спаррингах я не мог их эффективно применять. Более или менее получался прямой удар, но силы в нём явно не хватало. Шассе по среднему (рёбра) и нижнему (сухожилия выше колена) уровням были самыми мощными в моём арсенале. Но, увы, боковой удар на среднем уровне легко блокировался локтями, на нижнем – развёрнутым наружу коленом. Если я набил себе бёдра, то ударную поверхность – голени – набить было крайне сложно. Каждое попадание голени в блок вызывало сильнейшую боль. Я неплохо освоил подсечки; иногда получались одиночные удары стопой в бок или фуэте по корпусу. В целом же, несмотря на все мои успехи, шоссон я освоил на троечку.

Когда наступил черёд боёв на тотализаторе, Рауль выбрал противником меня. Все были уверены в его победе, как и он сам. Мой быстрый рост его беспокоил, и схватиться со мной,

пока я был ещё «сыроват», было самым разумным для него вариантом. Потому что на момент схватки Рауль был гораздо техничнее: его удары по нижнему уровню проходили значительно быстрее, на спаррингах высокие шассе и фуэтэ уверенно находили цель. В тоже время все уже знали нашу историю, и надеялись на яркий и драматичный бой... С предсказуемым исходом. Что означало многочисленные ставки и хорошие деньги. Говорят, что этот бой должен был стать для моего противника чем-то вроде финального испытания у бандитов.

Я принял вызов, отлично понимая, что у Рауля есть преимущество в технике ударов ног. Но у меня в рукаве был припрятан козырь.

Удары кулаком в шоссоне запрещены. Руки служат в основном в роли защиты. Разрешается бить открытой ладонью; при этом удар, по сути, является лишь пощёчиной. Как правило, он применяется, чтобы отвлечь, дезориентировать или спровоцировать противника.

Но работая дома по мешку, я попробовал пару раз эти «пощёчины». И обратил внимание на то, что пытаюсь бить по-прежнему как боксёр, включая в удар корпус, перенося вес тела. И что самое интересное, удар получался вполне себе ничего! Решив и дальше поэкспериментировать в данном направлении, я обнаружил, что удары, наносимые пяточкой ладони, соизмеримы по мощи с кулаками в боксе. Тогда я начал комбинировать атаки рук и ног. У меня обнаружился неплохой прямой удар раскрытой ладонью на уровень солнечного сплетения. При этом я наносил его, чуть приседая на колени; можно сказать с уклоном. Боковые удары были представлены чем-то вроде диагональных хуков и ударов сверху вниз; при этом мне удавалось вложиться телом в каждое движение. Боксёрские двоечки неплохо сочетались с прямыми и боковыми шассе. И всё это я отрабатывал дома. Рауль знал только то, что я тренировал в зале. Значит, не мог оценить меня объективно. Кроме того, каждый из своих ударов я старался повторять на скорость и максимум повторов, что давало мне возможность провести скоростную серию. Впрочем, подобной техникой владел и мой противник.

В целом же я был уверен в себе и в своей победе. И вызов человека, ради которого, собственно, и пришёл в зал, принял с мрачным торжеством.

...И вот он, вечер боя. Серьёзной публике здесь нет, так – рядовые бандиты, матросы, рыбаки и просто зеваки. Ну и конечно сами бойцы, которые также имеют симпатии и делают ставки. На меня, впрочем, ставок практически нет – оно и понятно. Но уже перед самым началом один из парней шепнул мне на ухо:

– Тренер поставил на тебя!

Я тоже поставил на себя все свои сбережения. Но вот Пуатье... Быстрый взгляд на учителя, в ответ ловлю одобряющий кивок. Ну что же тренер, я постараюсь вас не подвести!

...Прямой удар ноги в корпус – противник уходит в сторону и тут же филигранной подсечкой сбивает меня на настил. Рывком встаю; Рауль обозначает боковой удар в нижний уровень, но тут же переводит его в голову. Успеваю закрыться предплечьем и контратакую шассе по бедру. Этот удар противник блокировать не успевает; презрительная усмешка победителя на его лице сменяется злобной гримасой. Молниеносный фуэтэ в моё лицо встречаю руками; но, используя инерцию движения, Рауль наносит рубящий удар по моим бёдрам левой ногой. Из-за поднятых рук я пропускаю его; противник же продолжает серию ударом с разворота в корпус. Пробитие печени. Я еле стою...

Рауль поднимает руки и что-то кричит в толпу. Болельщики поддерживают его; в мою же сторону доносятся ругательства и оскорбления. Только тренер смотрит выжидательно, будто знает, что бой должен идти по другому сценарию.

Ну что же. Пожалуйте наживку.

Я держусь за печень обеими руками, голова открыта. Рауль скользящими шагами приближается ко мне. Шаг, ещё один и ещё... Я по-прежнему не поднимаю рук, тяжело дышу, изображая на лице невыносимые муки боли. Впрочем, мне действительно очень больно. Но, главное, – не пропустить атаку.

Удар я всё-таки почувствовал. Высокий шассе в голову, который мог бы красиво закончить схватку. Мог бы... Пропуская атаку противника над головой, я ухожу вниз и подсечкой под опорную ногу сбиваю Рауля. Мгновение спустя он встаёт. Но не спешит атаковать, вышагивая по настилу короткий полукруг. Он улыбается, покачивает головой, с интонацией: «а парен-то что-то может...» Я же, стоя на месте, используя промедление оппонента и восстанавливаясь. Вот он оказывается довольно близко ко мне:

– Рауль!

Противник моментально концентрируется. Резкий прыжок в его сторону; он мгновенно реагирует прямым ударом ноги. Удар хорош, реакция отменная; но я ждал от него именно этот ход. Шассе режет воздух справа от корпуса, а пяточка моей ладони находит солнечное сплетение француза. Распрямляюсь, двоекка прямых: левый разбивает нос, правый попадает в уже поднятые руки; но я продолжаю атаку хлестким шоссом по плавающим рёбрам. И тут же повторный удар, теперь жёстко по ногам! И ещё один – с разворота, стопой под рёбра... Все удары находят цель. Рауль опускается на колени; но мгновение спустя встаёт, ведомый гордостью и ненавистью. Однако я не даю ему восстановиться: рывком сблизившись, пробиваю два жёстких боковых; голова противника хоть и закрыта руками, но дёргается от тяжести принятых ударов. Тут же повтор прошлой связки – шассе по корпусу... а второй удар я по наитию наношу точно в голову! Руки Рауля падают, его шатает, но он всё ещё на ногах... На секунду мы ловим глаза друг друга: его, полные обречённой ненависти видят в моих гнев и скорую расправу.

Я впервые в жизни наношу столь точный и резкий фуэтэ в челюсть противника; этого удара он от меня явно не ждал. Рауль срубленным деревом валиться на пол. Зрители неистовствуют!

...С тех пор я больше не видел его в зале. Эта схватка принесла мне хороший выигрыш; я смог отдать четверть долга и успокоить кредиторов. Тренер на мой немой вопрос ответил следующее:

– Я участвовал в штурме «Линии Гинденбурга» под Терни-Сорни. На этом участке впереди нас прошли русские из «Легиона Чести». Эти воины сделали практически невозможное, прорвав три линии германской обороны. Причём на третью линию они пошли без патронов, со штыками наперевес и вашим боевым кличем... Ура? Я тогда понял, что русские настоящие бойцы и дерутся до последнего. И на тренировках замечал в тебе эти качества. Боевой азарт, стремление к победе, но главное – силу воли. Я горжусь, что у меня есть русский ученик.

...Я хотел участвовать и в дальнейших боях на тотализаторе. Но учитель, отметив мою боксёрскую технику, предложил драться по правилам французского бокса, а не шоссона. Эти бои были более престижными, а публика собиралась гораздо более пристойная... И богатая, что отразилось на моём кошельке и желудке. На плотном питании я заметно подрос, сантиметров до 180. Корпус увили грудные и брюшные мышцы, а плечи раздались до 52 размера. На руках рельефно и выпукло заиграли бицепсы и трицепсы. Картину завершали правильные черты красивого мужского лица (спасибо родителям), обрамлённые короткой тёмной бородкой. Так что мои бои (где я выступал обнажённым по пояс) собирали не только мужскую публику.

С Пуатье мы подтянули мои удары ногами, разобрали больше связок руки-ноги. И я стал успешно биться с французскими боксёрами. Пока мне везло, и я взял верх в семи (из семи) поединках. Причём последнюю победу я одержал сегодня, над довольно опытным и вполне себе известным боксёром, что открывало мне дорогу в большой спорт.

...Но Рауль всё-таки попал в группировку Жерома. Теперь он хотел мести, также как и я когда-то. Но шансов в честном бою у него не было. Однако его устраивала любая цена и любая победа – хоть и посредством угроз моей матери. А это не оставляло мне никакого выбора...

Глава третья. Соотечественники

После боя пришлось меняться сменами в ресторане: моё лицо никак не могло вызвать приятных эмоций у посетителей. Впрочем, уже три дня спустя опухоли спали. Замазав совсем уже критические участки, я снова энергично кланялся и галантно улыбался посетителям в надежде на хорошие чаевые.

Однако маскировка оказалась не слишком эффективной...

– Ба! Друзья, да это тот самый молодец, что так лихо дрался на ринге в воскресенье! Молодой человек, уделите минуту внимания вашим болельщикам!

Я направился к боковой нише, где за отдельным столиком устроились четверо мужчин среднего возраста. Призыв клиента был мне понятен, он не содержал негативной окраски, и в тоже время как-то царапнуло за душу. Будто есть какая-то важная деталь, которую я упустил.

«Ну конечно! Мужчина позвал меня на русском!»

– Господа, к вашим услугам! Хотели бы что-то сказать? Сегодня наш повар готов порадовать посетителей буйабесом из трески; специально для русских гостей – рыба по-монастырски с соусом бешамель и «Русский салат» мэтра Оливье. А в качестве закусок рекомендую попробовать варёных с укропом креветок или осьминога на углях. В качестве напитков советую попробовать красное...

– Да не гомони ты, парень! Мы позвали тебя не услужить, а поговорить. Ты наш соотечественник, а в Марселе русских не так много. Можешь посидеть с нами?

– Увы, господа. Официант не имеет никакого права сидеть с гостями. Даже если они соотечественники. Я просто потеряю работу.

– Тогда послушай – когда кончается твоя смена? Может, посидим после?

– Господа, я был бы очень рад общению с вами. Но я живу с мамой и если не приду в определённое время, она будет очень волноваться. К сожалению, в Марселе, если человек опаздывает, это повод для далеко не беспочвенных опасений.

– Забота о матери достойна похвалы. Но может вы сможете в другой день? Честное слово, узнав, что на ринге бьётся русский парень, мы не пожалели поставить довольно крупную сумму денег на вас. И хотя нам пришлось поволноваться, риск себя оправдал. Так что угостить вас – это наименьшее, из того, что мы можем себе позволить!

– Ну что же. Если завтра с утра вы сможете прийти в этот ресторан, то ваше желание исполнится.

– Пить с утра? А впрочем! Один день можно начать и с приятного, верно, господа? Решено: на этом месте, 9 утра. Вас устраивает время?

– Время хорошее.

...Утро следующего дня радовало солнечной погодой и свежим морским ветром, очищающим воздух от запахов порта. Было довольно прохладно, всё-таки зима (хоть это и юг Франции).

Впервые я прихожу в свой ресторан в качестве посетителя. Ну что же, это будет интересно, посмотреть на уровень нашего обслуживания «с той стороны».

Вся честная компания была уже в сборе. При хорошем солнечном освещении я смог лучше их разглядеть.

Итак, мужчина, что разговаривал со мной вчера, и кто, очевидно, был лидером группы: среднего роста, коренастый, кожа бледного оттенка. Усы и борода аля Николай Второй. Глаза карие, глубокие. В них чувствуется ум и внутренняя сила.

Лицо высокого блондина рассекал глубокий шрам; очевидно от рубящего удара холодным оружием. Мужчина выделяется приятным баритоном и смеющимися голубыми глазами.

У третьего члена группы короткие, мощные руки. Он слегка полноват, но в его фигуре чувствуется прямо таки медвежья сила. Лицо же без растительности, круглое и добродушное. Шрам, как вмятина, на правой скуле.

Четвёртый тоже не очень высокий – чуть пониже меня. Лицо мужественное; также карие глаза и длинный аристократический нос; нисколько, впрочем, его не портящий.

Несмотря на разный, в целом, облик, они похожи, как братья. Схожими были короткие, точные движения. Спокойствие... и какая-то потаённая угроза, исходящего от любого из них. Также я рассмотрел одинаковый у всех крест-эмблему: по диагонали он менял цвет с малинового на белый. В центре – литера «Д». Наверху подписано: ЯССЫ; внизу – 1917. Эту эмблему я знал. Все русские за рубежом слышали о ветеранах Дроздовского полка. За одним столом со мной сидели живые легенды Белого движения...

Перехватив мой взгляд, «атаман» (так я про себя его окрестил) красноречиво улыбнулся, и, обеда «ватагу» торжествующим взглядом, обратился ко мне:

– Я вижу, что вы, молодой человек, знаете историю. Тем приятнее будет с вами общаться! Капитан Дроздовского стрелкового полка Климов Илья Михайлович!

– Прапорщик Дроздовского стрелкового полка Гусев Александр Иванович (блондин со шрамом).

– Штабс-капитан Дроздовского артиллерийского дивизиона Тюрин Аркадий Юрьевич (медведь).

– Поручик Дроздовского стрелкового полка Владислав Михайлович Ромодановский (аристократ).

Я крепко жму руку каждому офицеру и тихо произношу: «Никита Мещеряков». У меня не было ни звания, ни положения, и гордо рапортовать в ответ было как-то неудобно.

Мужчины почувствовали моё смущение, и сдержанно улыбаясь, предложили мне сделать заказ на собственный вкус на всю компанию. Я, предположив, что у эмигрантов, как правило, не очень много денег, заказал простую, но вкусную закуску – варёных креветок в оливковом масле с укропом. В качестве напитков я взял тройку кувшинов домашнего виноградного вина – не очень крепкого, но сладкого и по вкусу напоминающего сок или компот. Его организовали по моей просьбе товарищи с кухни. Может быть, сочетание не очень удачное, но ведь просили на мой вкус! И потом, офицеры поглощали заказ с видимым удовольствием.

– Никита, расскажите о себе, о своей семье. О том, как вы стали столь блистательным спортсменом.

С незнакомыми людьми я обычно не откровенничаю. Но здесь были СВОИ, я это чувствовал. И рассказал всё, как на духу, за исключением последнего предложения Рауля. Произносить это вслух было просто стыдно.

История знакомства родителей вызвало сдержанное одобрение; рассказ о трагичном прощании с отцом сопровождал третий тост, традиционно пьющийся за тех, кого нет рядом. Повесть о предательстве матери деловыми партнёрами деда очень зацепила собеседников; в мгновение напряжённой руке штабс-капитана Тюрина лопнула кружка. История моего голодного и не очень счастливого детства вызвала общее понимающее молчание. А что тут скажешь? На чужбине русские никому не были нужны. Тяжело было практически всем.

Затянувшуюся паузу прервал блондин (у него была интересная кличка – студент):

– А как, ещё раз, звали вашего отца? И в каком подразделении он служил?

– Мещеряков Александр Вячеславович. В каком подразделении? Не знаю, но вообще воевал в артиллерии. Дослужился он до чина поручика.

– Сдаётся мне, я знаю дальнейшую судьбу вашего отца. Ну, или, по крайней мере, её часть. Я был в составе тех немногочисленных подразделений, что прикрывали эвакуацию. Красные рвались к Севастополю, впереди их основных сил наступали мобильные конные группы.

...Нас было не очень много: взвод пехоты с одним станковым Максимом и ручным Люисом. Причём я был в этом взводе на правах рядового бойца.

Нашей задачей было прикрытие артиллерийской батареи из 2-х горных орудий. Снарядов к ним оставалось совершенно немного; мы понимали, что первый бой для нашей группы станет и последним. Тем не менее, мы выбрали хорошую позицию на высоте, прикрывающей перекрестье основных дорог. Окопались по самые уши, замаскировав позиции подручными средствами. И ждали.

На нас вышел крупный отряд, не менее одного конного полка. Красная конная разведка нас не обнаружила; это стоило кавалеристам нескольких сотен жизней. Пускай снарядов было немного, но это была шрапнель. Свинцовые шарики, сотнями разлетающиеся в воздухе, выбивали и людей, и животных. Страшное зрелище. Но мы, привыкшие к ужасам войны, их не жалели. Однако и радости не испытывали, понимая, что никаких шансов у нас уже нет.

Всю войну мы били большевиков меньшим числом. Но их конные группы были наиболее боеспособными частями. Кроме того, дисциплина у красных налаживалась расстрельными методами. И, наконец, главное – они уже *стали* победителями, а мы – заранее побеждёнными. Все устали от войны, но, если для нас её конец означал лишь смерть, то им сулил победу и жизнь. Враги не побежали...

Из-за экономии снарядов артиллерийскую стрельбу мы вскоре прекратили. Красные быстро перегруппировались и пошли в атаку. Широким развёрнутым строем на нас во весь опор неслась конница врага. Последние снаряды мы вложили в упор, снова нанеся их группе большой урон и внеся сумятицу. Но развёрнутая «лава» была не очень и густой. Она «спрятала» две крупные группы на флангах... Если вспомнить историю, то можно провести параллель с битвой при Левктрах, когда афиняне разбили спартанцев, или с победой Ганнибала при Каннах. Нас обхватили так же, как древних римлян. В упор ударили пулемёты; но красные атаковали и с флангов, и с тыла, и с фронта. У пулемётчиков просто не было возможности вести огонь на 360 градусов.

Мы стреляли в упор, я сумел свалить одного, может двух... Но очередной всадник достал меня шашкой на излёте. С того момента я ничего не помню.

...Очнулся я ночью. Вокруг были лишь тела сослуживцев – их никто не спешил убирать. Наша позиция была уничтожена, а я, как ни странно, страстно захотел выжить. Невероятно, всеобъемлюще захотел выжить... Я спасся благодаря греческим морякам. Но это отдельная история. Что же касается вашего отца: он был наводчиком одного из орудий. Видимо, стрелял крепко. Я видел его мельком; конечно, мы были немного знакомы. Он обмолвился, что сумел эвакуировать семью, и что теперь он уже ничего не боится. Вы на него очень похожи: надень на вас сейчас форму да оставь короткие усы – и вот он, перед глазами.

Я не видел его тела; признаться, судьба мёртвых тогда меня не очень интересовала. По крайней мере, стонов раненых на поле боя не слышно не было. Шансы, что ваш отец спасся, стремятся к нулю; бой был горячим и явно шёл до последнего. Тем более, основной урон нанесли артиллеристы. Так что, даже если Александр Вячеславович попал в плен, это лишь отсрочило кончину. Но сделало бы её несоизмеримо более мучительной.

...Не думал я, что идя на эту встречу, узнаю про судьбу своего отца. Вроде бы уже давно был уверен в том, что его нет на свете. А сейчас будто поговорил с ним, будто коснулся его руки, услышал его голос... Да! В это мгновение я вспомнил его голос!

То ли вино так меня размягчило (пил я крайне редко), то ли рассказ Александра Ивановича, но в момент, когда мне вспомнился голос отца, я уже не смог сдержать слёз. Папа, папа... Меня поймут люди, что детьми ни разу не успели позвать отца, не знали или не запомнили его улыбки, тёплых слов, объятий... Я ведь не плакал даже тогда, когда не мог ходить после первой встречи с Раулем. Не плакал, хотя очень хотел заплакать, испытывая угрызения совести из-за Зои. Но сейчас я уже не смог сдержаться...

– Все мы теряем близких. Поверьте, Никита, нам очень жаль вашего отца – безусловно достойного человека, к тому же нашего сослуживца. Но он принял смерть не напрасно. Сколько-то людей спаслось именно благодаря его жертве. Так давай те же ещё раз выпьем за всех тех кто до конца выполнил свой долг пред нашей великой родиной, перед Россией! За них, за Россию, Ура!

Мы выпили ещё, и это было уже явно не лёгкое вино... Расчувствовавшиеся офицеры затянули песню:

Из Румынии походом
Шёл Дроздовский славный полк,
Во спасение народа,
Исполняя тяжкий долг.

Много он ночей бессонных
И лишений выносил,
Но героев закалённых
Путь далёкий не страшил!

Генерал Дроздовский смело
Шёл с полком своим вперёд.
Как герой, он верил твёрдо,
Что он Родину спасёт!

Видел он, что Русь Святая
Погибает под ярмом
И, как свечка восковая,
Угасает с каждым днём.

Верил он настанет время,
И опомнится народ —
Сбросит варварское бремя
И за нами в бой пойдёт.

Шли Дроздовцы твёрдым шагом,
Враг под натиском бежал.
Под трёхцветным Русским Флагом
Славу полк себе стяжал!

Песня в исполнении сильных мужских голосов прозвучало очень красиво и мужественно. Она и так бередила душу, а что уж там говорить обо мне – я слышал её из уст тех, о ком она сложена!

Я мучительно старался ещё раз вспомнить отца. Не фотографию, а живого, того, прощавшегося с нами на Крымском берегу... Я представлял себе лица тех, кто пошёл добровольцами сражаться за правое дело. Я представлял себе, как сражались те, кто сидел рядом со мной – и видел себя рядом с ними.

Когда человеку мучительно горько, это чувство вызывает в нём две реакции: надломанную апатию или ярость по отношению к источнику страданий. В моём случае выбор был сделан в пользу гнева.

...До того я ненавидел красных и Советский Союз умозрительно: я не помнил свою родину и событий, связанных с исходом. Я только знал, что большевики, «красные», лишили нас (эмигрантов) любимых людей и дома. Однако, я не чувствовал этого до сегодняшнего дня, ведь мне и так было кого ненавидеть. Но теперь чёрная, глухая, не имеющая выхода ярость заполонила моё сознание.

«Проклятье! Они должны ответить! Они должны ответить за наши страдания, за убитых и замученных ими людей! Я хочу правосудия! Я хочу драться с ними!!!»

Кажется, последнее я произнёс вслух. Офицеры пристально уставились на меня, будто в первый раз увидели. И я нетвёрдым голосом заговорил:

– Да, господа офицеры. Я хочу драться с «красными». Более того. Я дрался с теми, кто им служит. Я дрался с Раулем, бандитом в бригаде Жерома. Жером служит Полю Карбону. А тот работает в паре с политиканом-коммунистом Симоном Сабияни. Вот так вот, и в Марселе добрались! И матери моей угрожают!

Тут я упал на кресло. Мне очень плохо. И чуточку хорошо. Очевидно, я пьян. Это замечает и Илья Михайлович. Тем не менее, он спрашивает:

– Никита, подождите. Кто угрожает вашей матери? Почему вы об этом не сказали ранее? Так, господа! Нужно на улицу, развеяться. В ресторане могут быть лишние уши.

Холодный ветер действительно приводит меня в себя. Я уже пожалел о распущенном языке и минутной слабости, из-за которой меня могут перестать уважать «дрозды» (в РОВС я как-то не спешил), а также могут начаться проблемы (говорил я на русском, но имя Карбона в негативной интонации могли услышать). Историю о подставном турнире и угрозах матери пришлось рассказать. Какое-то время все молчали. Затем слово вновь взял «атаман»:

– Никита, послушайте. Мы в Марселе находимся не просто так. Ещё 4 дня мы будем в городе, пока капитан корабля, с которым мы отправляемся в Гибралтар, урегулирует свои вопросы. Мы собираемся присоединиться к армии генерала Франко, сражающейся против «красных» в Испании. Пускай это не Россия, но история борьбы та же; тот же и противник. Наверняка ты слышал о том, что «советы» помогают Республике? Пока это наш единственный шанс взять реванш и снова почувствовать себя настоящими воинами. Если то, что вы сказали в ресторации, является правдой, и вы готовы продолжить дело отца, отправляйтесь с нами.

– Господа, я бы с радостью. Но я не могу. Нет! Выслушайте меня до конца. Этот Рауль... он меня ненавидит. Если я отправлюсь вместе с вами, боюсь, что он выместит свою злобу на матери. Взять же её с собой? А на что она будет жить в Испании? Тут мы хотя бы чем-то успели обзавестись, а что её ждёт там?

– Никита, это единственная проблема? Если так, она решаема. Мы готовы помочь вам с Раулем и вдарить по «красным» бандитам Карбона. Заодно добудем денег нам на оружие и проживание вашей матери. Вы согласны? Вот моя рука.

Я крепко жму протянутую мне руку. Руку соотечественника, предложившего мне помощь и боевое братство.

Глава четвёртая. Экс

Преступный мир Марселя имеет очень строгую организацию и структуру. Несмотря на кажущуюся невозможность поставить бандитов в какие-либо рамки, Поль Карбон смог это сделать. Чёткая иерархия, негласная ранговая система, даже субординация между членами группировки – всё это делало её похожей на армию, где приказы свыше считаются законом. Но именно эта строгая структуризация была одной из главных причин становления Карбона лидером преступного мира.

Жером с его бандой были если не мелкими сошками, то в любом случае, имели не слишком высокий статус. Их потолком был сбор денег с проституток и мелких портовых торговцев. Вдобавок, некоторые члены группы (тот же Рауль) промышляли грабежами. Это был явно не «уровень», но каждый член банды имел шанс стать кем-то большим.

В качестве «штаб-квартиры» банды Жерома выступала небольшая портовая гостиница. Комнаты в ней всегда были заняты, о чём гласила надпись крупными буквами на вывеске. Не умеющим читать всё доступно объяснял устрашающего вида метрдотель. В гостинице располагался склад с оружием, жилые помещения, «зал отдыха», где члены группы могли расслабиться за бильярдом, картами и выпивкой. Но, главное, перевалочный пункт, где собранные за неделю деньги сортировались для передачи в «банк» Карбона. Бандиты вели себя, как правило, совершенно безмятежно: обо всех плановых и внеплановых полицейских облавах их предупреждали заранее. Одиночек жандармов, пытавшихся «мутить воду» по идейным соображениям, находили на дне марсельской бухты. Также, практически невозможен был вариант нападения других бандитов: 12 вооружённых мужчин представляли собой очень грозную силу. Кроме того, при подобном раскладе на налётчиков открыли бы настоящую охоту не только боевики Карбона, но и полиция Марселя. И за всеми «чужаками», кто реально мог провернуть подобный финт, с самого начала пребывания в городе устанавливалась слежка.

И всё-таки «дрозды» решили совершить налёт на штаб-квартиру Жерома. Я сильно сомневался в предприятии, но в конечном итоге шансы на успех у него были. Деньги в «банк» сдавались, как правило, в субботу. А корабль Попандопало (капитана-грека) должен был отплыть в Гибралтар в ночь с пятницы на субботу. За места было заплачено заранее. Маму мы собирались погрузить на корабль ночью, непосредственно перед эксом. Почему эксом? Так называли свои налёты на банки боевики-революционеры. Слово нравилось Илье Михайловичу, в своё время служившему в контрразведке у Деникина, а затем и у Врангеля.

Чего мне стоило убедить маму – это отдельная тема. Ей натуральным образом стало плохо; в мой обман о том, что я встретил в ресторане соотечественников, пообещавших помочь нам в Испании, она не поверила. Я не рассказывал ей о моём конфликте с бандитами, но материнское сердце чувствовало опасность. Тогда мне пришлось отбросить в сторону ненужную фальшь и ласковый убеждающий тон:

– Мама, у нас нет жизни в Марселе. У меня конфликт с бандитами Карбона, и так просто они от нас не отстанут. Сейчас же есть реальный шанс оставить всё это и начать жизнь с чистого листа. Я уже принял решение и не отступлюсь от него. И тебя я здесь не оставлю.

Мои слова, сказанные спокойным, твёрдым и уверенным голосом, больше похожие на команду, как-то отрезвили её, заставили прекратить истерику и начать собираться. Позже она мне сказала, что так же с ней разговаривал и отец, принимая то или иное важное решение. О том, что я узнал про ещё один кусочек жизни отца (скорее всего финальный) я не стал говорить: итак слишком много потрясений для больной женщины.

План экса был продуман всё тем же Ильёй Михайловичем, который, очевидно, смыслил в подобных делах. С некоторыми особенностями подобных операций он познакомил и меня:

– Всегда, в первую очередь – разведка. Оценка численности противника, вооружения, надёжности боевого охранения. На основании этих данных ты разрабатываешь план захвата – диверсии – экса. При этом ты должен изучить варианты подходов, при которых противник тебя не заметит вообще или, заметив, уже не успеет ничего предпринять. Должно быть как минимум два варианта пути отхода, ты должен постараться предусмотреть любое развитие ситуации. Только путём тщательного, длительного наблюдения, проработки хотя бы основных вариантов развития событий, подготовка грамотного отступления – только всё это в совокупности обеспечит успех.

...Подготовка группы была действительно очень тщательной. «Студент» вёл слежку за домом с помощью офицерского бинокля с цейсовской оптикой. Для этого он поселился в небольшой гостинице в метрах 500 от нашей цели. Гостиница располагалась на возвышенности, так что прапорщик имел отличный круглосуточный обзор.

Осмотром подступов непосредственно на местности занялись «атаман» и «медведь». Под видом подвыпивших гостей города, они пытались заселиться в гостиницу, предварительно обойдя её несколько раз. При этом они пели, ругались, приставали к метрдотелю, пока тот в конце не озверел, но всё это выглядело вполне естественно. Для пущей убедительности они выпили немного крепкого алкоголя, прополоскали им рот и чуть вылили на себя. Так что запах был соответствующим.

Аристократ на имеющиеся деньги приоделся, взял в прокат старенький автомобиль и начал ездить к проституткам в более-менее приличный бордель, располагавшийся опять-таки неподалёку от цели. Я же осторожно собирал информацию о банде через знакомых.

Таким образом, за три дня плодотворной работы, мы узнали достаточное количество информации: где находятся жилые спальни, кто в них отдыхает и в какое время жизнь в гостинице замирает. Во сколько привозят шлюх и во сколько их увозят. Где находится «чёрный ход», зал игры, где зачастую собираются бандиты по вечерам. Места, где можно спрятаться перед гостиницей, выходя на «позиции».

Вариантов «эвакуации» у нас было целых три: в первом, основном – после экса мы все должны были сесть в машину «аристократа». Поручик не глушит авто, держа двигатель в рабочем состоянии на малых оборотах. В машине имелся медицинский набор оказания первой помощи.

Второй вариант предусматривал индивидуальное или групповое бегство в порт. Это на случай выхода автомобиля из строя. В квартале отсюда дежурил специально нанятый (с предоплатой) экипаж. Для «извозчикп» заранее придумали версию о любовнице и ревнивом муже – французы понимали толк в «любви».

Наконец, третий вариант – вернуться в гостиницу «студента», где номер был оплачен на неделю вперёд. Там же хранился запас еды и патронов, а также 5 билетов на утренний поезд Марсель-Тулон. Впрочем, это был уже самый худший вариант, практически невоплотимый в жизнь. Но бывает, что срабатывают именно подобные варианты, когда стопроцентно верные дают осечку. Однако, самым адекватным вариантом было «зачистить» дом и как можно быстрее сделать ноги. На всё про всё с начала операции (час ночи, время выезда проститутки) у нас было 90 минут, время, после которого Попандополо должен был отплыть в Гибралтар с моей мамой на борту. На руку нам было ощущение безнаказанности и вседозволенности подонков Жерома. Они просто не ожидали нападения, и это было главным козырем «дроздов».

Оружие обеспечил «медведь». Ничего лишнего: револьверы системы «Наган», окопные стилеты, 3 «лимонки» (гранаты французского производства с ребристой рубашкой), а также снайперскую винтовку Маузер (трофей Великой войны). Всё это удалось раздобыть через контрабандистов. В целом же, подготовка к операции съела все сбережения офицеров и моей семьи. Кроме того, некоторую сумму нам ссудил капитан корабля.

Поскольку я заявил о своём участии в экзе, штабс-капитан занялся моей боевой подготовкой. Мы прилично отдалились от города, пока, наконец, не нашли хорошее для тренировок место в небольшом лесу. Дальше последовала весьма интересная и обстоятельная лекция с последующим практическим занятием:

– Итак, револьвер системы «Наган». Принят на вооружение русской армии в 1895 году в 2-х вариантах: «офицерском» и «солдатском». В твоих руках «офицерский» вариант с самовзводным механизмом. Это позволяет открыть стрельбу тут же, достав из кобуры. Мне, кстати, эта особенность дважды спасала жизнь. Оружие надёжное, не «капризное», но помни про одну простую вещь: любое оружие служит тебе так, как ты за ним ухаживаешь. Если его регулярно чистить, смазывать, беречь от грязи и пыли, то тот же наган прослужит тебе и сто лет. Не будешь следить за оружием, и даже самое неприхотливое откажет. Причём, как правило, откажет в самый неподходящий момент.

Достоинства: высокая точность и кучность боя, отличные пробивные характеристики. Приличный объём барабана: 7 патронов. Оптимальное расстояние для ведения огня – порядка тридцати метров. Для хороших стрелков – около 50. Вообще-то, любой револьвер или пистолет называют оружием дураков: если средний стрелок достанет тебя из винтовки за 500 метров, то сам понимаешь...

Но вообще-то такое суждение в корне неверно. Разве можно сравнить винтовку и орудие? Нет, конечно, потому что у каждого оружия своя специализация. Револьверы и пистолеты являются оружием ближнего боя, и тут они короли за счёт своей скорострельности. Правда, пистолеты имеют ряд преимуществ перед револьвером: более высокая скорость стрельбы и несравненно более быстрая перезарядка. То есть, если ты разрядил весь барабан нагана, его можно просто бросить. Желательно в лицо противника. Чуть меньше килограмма железа в лицо прилетит, так ведь будет неприятно, точно говорю! ...Шучу конечно, но в бою бывает всякое. Был эпизод с моим товарищем на Германской, когда тот действительно бросил разряженный наган в голову немца. Реального повреждения, конечно, не нанёс, но прицел сбил.

...Ещё револьвер можно использовать как оружие ближнего боя: от удара рукояти, зажатой в кулаке можно вполне потерять сознание. А если уж в висок попадёшь, то можешь и убить. К чему я об этом заговорил? В бою наган не перезарядить, точно тебе говорю. Руки от возбуждения трясутся, рядом, или даже в тебя стреляют – попробуй что-нибудь сделай! А вот обоймы в пистолете можно заменить при должной сноровке и очень крепких нервах. И то сомнительно. Зато наган надёжнее прочих в стрельбе.

Затем состоялся урок огневой подготовки:

– Итак, основной принцип стрельбы крайне лёгок и прост: совмещаешь мушку и прицельную планку так, чтобы они были на одной линии, сводишь с целью – геометрическим её центром, плавно тянешь за спуск, и – вуаля! Твой враг ранен или мёртв, в зависимости от того, куда ты стрелял и как попал. Однако тонкостей здесь целое море. Кратко: такая стрельба наиболее приемлема винтовкам. Когда ты лежишь, у тебя есть упор и т. д. Естественно, прицельное приспособление есть и у нагана. Для того, чтобы попасть в цель, ты поднимаешь руку на её уровень, ловишь на прицел и плавно жмёшь спуск. Но если ты оказался вблизи противника, попасть будет совсем несложно, можно выстрелить с пояса или даже из кармана. Такие трюки любят уголовники, полицейские, контрразведчики. И нам это тоже может пригодиться. Любое оружие необходимо пристрелять перед использованием по назначению. Чем мы сейчас и займёмся.

Мы вымерили шагами тридцать метров, выставили в качестве мишеней пустые бутылки. Затем приступили к стрельбе.

– Обрати внимание: из-за сбитого прицела целиться нужно чуть правее или левее, сам прицел брать чуть ниже. Вот поэтому оружие и пристреливается. Пробуй ещё.

Выстрелы звучат оглушительно, мне закладывает правое ухо. Аркадий Юрьевич советует слегка открыть рот. Пробую ещё раз. Благодаря советам штабс-капитана, с третьего выстрела начинаю поражать цель.

– Неплохо. Обрати внимание на позу для прицельной стрельбы: левая нога чуть впереди, корпус чуть развёрнут. Рука, что держит оружие, абсолютно прямая. Если при этом ты задействуешь вторую руку, она должна только придерживать револьвер за рукоять. Для удобства сложи её лодочкой.

Также можно стрелять с колен. Можно стрелять с одной руки. В таком случае корпус разворачивается в сторону вытянутой кисти. Но на деле это основа, а в бою люди стреляют даже лёжа на спине. Немаловажна интуиция. Чуйка, что вырабатывается после определённой стрелковой практики. Были у нас на Руси казаки – пластуны, так те умели поражать цели в лесу на звук, стреляли, только вскинув руки, считая пистолет продолжением руки. Много чего они умели... Так вот, долгое прицеливание опасно промахом. Многие задерживают дыхание во время стрельбы, но нельзя слишком долго ждать: из-за нехватки кислорода руки будут двигаться в такт сердцебиения. Конечно, это собьёт прицел. Нам предстоит ночная стрельба по движущимся мишеням. Так вот, здесь действительно можно стрелять на слух. Попробуем.

Здесь мой инструктор завязал мне глаза. Расставив в пределах 15 метров передо мной очередные мишени, он начал кидать в них камни. Звук удара камня об стекло и был моей целью. Не скажу, что результаты были очень оптимистичны, но из семи патронов один я вложил точно; остальные также прошли рядом.

– Неплохо, весьма неплохо. Человек больше бутылки. Тем более, худо-бедно, но какой-то силуэт обозначается и в ночи. Теперь что касается стрельбы по движущейся цели. Если она (цель) бежит ровно от тебя или к тебе, тут всё понятно. Целишься обычным образом. Если ты стоишь с фланга, то есть с боку от неё, необходимо брать некоторое упреждение перед бегущим. Или навести прицел на точку перед движущейся целью, плавно потянуть за спусковой крючок, когда та практически поравняется с прицелом. Скорость полёта пули очень высокая.

Между прочим, не так и сложно «уйти» от пули, меняя траекторию движения, внезапно припадая и снова начиная бежать. Просто нервов обычно не хватает, и человек бежит во восторг по одной траектории... Есть ещё много разных нюансов, как то: обман расстояния, сильный ветер, рассеивание прицела над водной гладью. Но всё это на сравнительно больших дистанциях при винтовочном огне. Нам пока это не нужно. Ну а теперь прошу поупражняться по движущимся мишеням!

Остаток патронов я выпустил по бутылкам, подбрасываемым штабс-капитаном в воздух. Первые два раза я промахивался. Но затем стало неплохо получаться ловить мишени на траектории падения. И наконец, резюме «дрозда»:

– Молодец! Гораздо лучше, чем я ожидал от первой тренировки! Видимо сказываются отцовски гены...

...И вот она, крайняя ночь. Поздно вечером я вывожу маму из дома, якобы на прогулку. С собой только деньги и документы. Кое-какие вещи я до того сумел передать на корабль.

Когда мы поднялись на палубу, уже совсем стемнело. Теперь настал черёд действий.

К месту мы прибыли в половину первого на примелькавшейся машине аристократа. Его кстати, недавно ограбили, но обошлось только небольшой потерей финансов, на что и рассчитывал «атаман». Диспозиция перед эксом следующая: аристократ находится в машине, и прямо из неё держит под прицелом горящие окна лицевой стороны дома. Благо прицел оптический.

Студент контролирует задние окна дома. Я прикрываю чёрный ход.

Капитан и штабс-капитан вновь под видом пьяных идут к парадной двери. На этот раз «метрдолетель» решает крепко научить беглецов, но получает удар стилетом в солнечное сплетение, и без звука оседает на землю.

...Что происходит далее, я не знаю: слышу мощный взрыв, звон разбитых стёкол, выстрелы, потом ещё один взрыв. Раздаётся звук выстрела винтовки «аристократа». Руки мгновенно потеют, мне становится страшно, как никогда ещё не было в жизни.

И тут открывается дверь чёрного хода. Я пытаюсь потянуть за спуск, но пальцы будто окаменели. Что там говорил «медведь» – плавно тянуть за спуск? Плавно?!

На пороге появляется человек. Видимо, это судьба: я вижу Рауля. Он также напуган, но узнаёт налётчика. Медленно подняв руки, человек, из-за которого начался весь этот сыр-бор, быстро заговорил:

– Никита, не стреляй! Я ведь не убил тебя тогда, когда ты помешал нам с девчонкой, не убил после поражения. Я только хотел отмыться перед теми, кто на меня ставил! Это правда! Мы ничего бы не сделали твоей маме, зачем она нам? Я просто пугал! Никита, послушай...

Я хочу нажать на спуск, но не могу. Не могу! Пускай я его ненавижу, пускай он был врагом, но он ведь действительно мог меня убить! Зачем же...

Видя моё замешательство, Рауль рывком бросается вперёд. Хлестко ударив ладонью по кисти, сжимающей револьвер, он обезоружил меня; нож, стиснутый правой рукой, в длинном выпаде ищет мой живот. В последний момент тренированное тело само ушло с линии атаки, а левое предплечье блокировало руку с клинком. Одновременно кулак правой руки полетел в челюсть противника; но Рауль уклонился и прямым ударом ноги сбил меня на землю. Мгновенно перехватив нож обратным хватом, он попытался пригвоздить меня клинком к земле; но я перекатом ушёл в сторону, вскочил на ноги. Враг поменял тактику и стал бить наотмашь. Нож рассекает воздух передо мной, заставляя пятиться. Но на третьем взмахе я рефлексивно бью кулаком ниже ладони противника. Рауль выронил клинок. Левый боковой, правый по корпусу и тут же в челюсть! Бандит падает на спину. Я поднимаю нож. Сердце начинает бешено колотиться. «Он же враг, он бы не пощадил меня!». И всё-таки я не могу.

Рауль быстро очнулся; видя моё замешательство и осознавая, что это шанс, бросается к револьверу. Я кидаюсь за ним. Он практически успел, схватив наган, и вполборота повернувшись ко мне. Но в этот же момент нож в моих руках находит его живот. Я вкладываю в удар всю свою ненависть, страх и гнев...

...Слабеющими пальцами он выпускает оружие. Глаза его закатываются, тело начинает валиться. Я аккуратно придерживаю его, помогаю лечь на землю. Зачем? Он мёртв. Я убил его. Это осознание выворачивает меня. «Он ведь пытался меня убить! Но разве я бы поступил иначе, наведи он на меня револьвер? Зачем я это сделал? Зачем!? ЗАЧЕМ!!!!?»

Меня, качающегося на корточках над телом Рауля, что-то воющего про себя и размазывающего слёзы по лицу, хлопает по плечу «студент».

– Я всё видел. Ты хорошо дрался, ваш последний с ним бой всё-таки состоялся. Только этот бой шёл за жизнь. И Рауль не горевал бы над твоим телом... И да, если бы ты его не убил, это сделал бы я. Аркадий Юрьевич учил тебя стрелять, но убивать человек учишься сам... И твой отец, прежде чем его убили, убил сотню людей выстрелами своей пушки. Но он убивал и шёл на смерть во имя идеи, во имя Родины, ради вас с мамой. Однако и то, что сделано тобой сегодня, сделано ради защиты матери.

А они – бандиты, тоже убийцы. Все они. Даже если он (показывает на Рауля) ещё никого не убил, то в будущем обязательно бы это сделал. И ты сегодня остановил человека, что грабил, насиловал, и, в конечном счёте, убивал бы. Ты предотвратил десятки людских трагедий. Это не плохой поступок. Так что не казни себя и приходи в чувство: там, куда мы отправляемся, убивать будут много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.